

**НА ВОЙНЕ
КАК НА ВОЙНЕ**

**МИР ФАНТАСТИКИ
2014**

**Олег Макаровский
Федор Федорович Чешко
Олег Игоревич Дивов
Антон Тудаков
Владимир Свержин
Майкл Гелприн
Алексей Геннадьевич Ивакин
Алекс Резников
Вадим Шарапов
Михаил Логинов
Станислав Бескаравайный
Григорий Константинович Панченко**
Мир фантастики 2014. На войне как на войне

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658188
Мир фантастики 2014. На войне как на войне./ сост. Г. Панченко : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081356-8*

Аннотация

В этом сборнике нет рассказов о генералах.

Это истории о «пушечном мясе», простых людях, которые сумели остаться людьми даже на войне.

И не важно, какой именно была их война: человек против нечеловека, мечи против колдовства или винтовка Мосина против карабина системы «Маузер». Война – всегда война.

В этой Войне могут принимать участие красноармейцы и эльфы, белые генералы и красные комиссары из несбывшихся реальностей, пугачевские повстанцы и швейцарские оккупанты, пришельцы и солдаты Вермахта.

Каждый из них верит в свою победу, они готовы сражаться и умереть за нее.

И за ценой стоять не придется.

Содержание

Вадим Шарапов	4
Олег Дивов	12
Олег Макаровский	17
Михаил Логинов	26
I. В степи за Волгой	26
II. 127 лет спустя	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мир фантастики 2014. На войне как на войне (сборник) составитель Г.Панченко

Вадим Шарапов В первый пар

(Из цикла «Рассказы о старшине Степане Нефедове»)

Веник был хорош.

Степан еще раз вдохнул березовый дух, примерился, взмахнул вязанкой прутьев, точно саблей.

– Эх, благодать! – сказал громко и расстегнул верхнюю пуговицу на гимнастерке, покрутил головой от удовольствия.

– Товарищ старшина, баня готова! – раздалось издалека. Скрипнула калитка, из огорода степенно вышел сержант Файзулла Якупов. Достал трубочку, закурил, заулыбался белозубо, приглаживая щетку черных усиков и сощурился узкие глаза.

– Чего смеешься, Татарин? – Степан Нефедов перебросил веник из руки в руку, качнулся влево-вправо, будто в ножевом поединке, неуловимо быстро перетек вплотную к Якупову.

– Якши! – засмеялся сержант. – Быстрый ты, шибко быстрый. В баню пора!

– Нет еще, – Нефедов прошел мимо него в огород, пробираясь сквозь разросшийся бурьян по тропинке. – В первый пар нам нельзя.

– Почему? – удивился Якупов, даже вынул трубку изо рта.

– Банник, Хозяин, пусть попарится власть. Столько лет эту баню как следует не топили, сейчас он злой как собака. Пойдешь в первый пар – угоришь или обваришься, точно. Сейчас пойду, веничек ему запарю. А уж потом и мы...

– Такой большой, Степан... – хмыкнул Татарин.

– ...а в сказки верю? – закончил за него старшина. Сунул веник под мышку и потопал к бане, не оборачиваясь.

Возле вросшей в землю, сложенной из толстенных бревен бани, почерневшей от времени, двое кололи дрова. Женька Ясин, из нового пополнения, сняв пропотевший тельник, играл колуном, с маху раскалывал здоровенные чурбаки. Парень был мускулистым, широкоплечим, так что, глядя на него, Нефедов вспомнил Чугая, который погиб под Ельней.

– Ванька поздоровее был, – сказал он вслух и вздохнул. Маленький сухощавый Сашка Конюхов, который на лету подхватывал поленья, точно пули свистевшие из-под колуна, покосился на него.

– Ты чего, командир? – и ловко, не глядя, выхватил из воздуха очередное сосновое полено.

– Да так, – сумрачно отозвался Степан и зашел в баню.

Уже в предбаннике шибануло приятным жаром, с примесью хвойного духа. Мужики постарались, разогрели как надо. Степан снял ботинки и толстые вязаные носки, потоптался на скрипучих досках, разминая босые ступни, потом открыл еще одну дверь и забрался в парилку, щурясь от почти нестерпимой жары.

Быстро набрав кипятку в новенькую шайку, умело сработанную тем же Конюховым, Степан положил в него веник, поглядел, как сухие листья начинают набухать и расправляться. Встал посреди парилки, уважительно поклонился на четыре стороны.

– Здравствуй, Хозяин! – негромко проговорил, глядя как в щелях каменки бьется пламя, – помоги чистоту навести, грязь, болезни свести... А мы тебя уважим за это первым парком.

Показалось или пламя в трубе и вправду прогудело глухо, словно бы кто-то сказал «Ладно»? Степан повернулся и вышел из парилки, утирая вспотевшее лицо рукавом.

– Ну и разогрели вы!

– А что? – Ясин наконец-то воткнул колун в пенек и потянулся. – Банька что надо! По-нашему, по-сибирски.

– Белье припасли? – Нефедов стоял, чувствуя, как земля чуть холодит ноги, и смотрел на облака, напалзающие из-за кромки леса.

– Все в порядке, товарищ старшина, даже и на вас комплект новенький раздобыл, еще в Бортково на складе! – весело доложил Конюхов. От скуки он уже нацелился метнуть свою знаменитую финку в стену бани, но Нефедов глянул на него грозно, и Санька опустил уже замахнувшуюся руку.

– Я тебе кину... В баню пусть никто не заходит, Хозяина уважать надо. Ясно?

– А-а... – понимающе протянули оба, а Якупов от калитки снова засмеялся.

– Смейся-смейся... – проворчал Степан и уселся на пенек. Он сидел и смотрел на полуразвалившуюся избу, которая еле виднелась из-за бурьяна.

* * *

Когда Особый взвод, точнее семь человек, которые от него остались после операции под Львовом, отвели «на переформирование», Нефедова к себе вызвал полковник Иванцов. Разговор не затянулся. Глядя на почерневшего от недосыпа, обросшего щетиной старшину, полковник долго молчал. А у Степана первый раз в жизни руки от усталости тряслись так, что табак из самокрутки сыпался на пол, и рвалась тонкая бумага.

– Значит, так, – Иванцов выдал Степану коробку «Казбека», смахнул недоделанную самокрутку со стола. – Сделаем вот что. Здесь, в районе, есть одна деревенька... точнее, была до войны. Родня у меня там жила, дядька с теткой, колхозники. Недавно с дядькой я повидался, они из эвакуации вернулись. Говорит – от деревни не осталось ничего, после того как там немцы похозяйничали. Кто успел уйти в лес – ушел, кого эвакуировали – только сейчас возвращаются. А возвращаться-то вроде как и некуда, одни развалины. Похоже, там танковая часть стояла, почти все дома по бревнышку раскатали то ли от злости, то ли от скуки. Дядькину хату тоже наполовину обрушили.

Полковник помассировал кисть левой руки. После залеченного ранения пальцы постоянно мерзли – видимо, пуля задела какой-то нерв.

– Но это все неинтересно. Главное вот что – баня у них там осталась. Хорошая баня, еще прадед строил, на века. Баню немцы не тронули, хоть и сами в ней не мылись, не запоганили. Стоит себе в огороде, целехонькая, хоть сейчас затопи да парься. Вот туда и направляйтесь. На неделю. Приказ я уже составил, а жить в палатках вам не привыкать. Отдохните, выпитесь как следует. Потом будешь пополнение принимать, а сейчас приказываю отдыхать, понял?

– Так точно, – старшина справился с дрожащими руками, выпрямился по стойке «смирно».

– Чего тянешься? – недовольно махнул рукой Иванцов. – Иди уж... богатырь, тоже мне. Грузовик ваш на ремонте, возьмешь полуторку в хозяйстве Фомина, он знает...

... – Старший, – тихий шипящий голос вывел старшину из раздумья. Он повернул голову и увидел Ласса. Альв сидел чуть поодаль на корточках, внимательно вглядываясь своими глазами без зрачков в лицо Нефедову.

– Что?

– Тар'Наль вернулся. Говорит, что все спокойно.

– Вот и хорошо, – старшина отозвался вяло, потом зевнул. – Выспаться бы мне, Ласс. После баньки – самое то, а? Попарюсь – и на боковую.

Он зевнул еще раз, поднялся, спросил:

– А ты как? Помыться не желаешь?

Альва слегка передернуло, он высоко поднял брови и улыбнулся холодной, едва заметной усмешкой, чуть приподняв краешки губ.

– Нет, Старший. Благодарю...

– Извини, – старшина сокрушенно развел руками. – Позабыл!

Оба они знали, что Нефедов шутит. Воспитанный альвом, он никогда не забывал, что они соблюдают чистоту по-своему, составляя настои и отвары из разных цветов и корней, очищающих тело и убивающих любой запах. Вот и сейчас от Ласса ничем не пахло, так что даже собака не смогла бы учуять его по ветру.

– Однако, первый пар прошел. Пора и нам, – сказал Степан. – Мужики, а ну готовьтесь грешные тела мыть!

Первыми в баню отправили самых молодых, хотя парни упирались, не желая, чтобы «товарищ старшина» пользовался веником уже после них.

– Да как же так? – бурчал Женька Ясин. – Непорядок! Вам, товарищ старшина, надо первому, в лучший пар, с новым веником...

– Ясин, – проникновенно отозвался Нефедов, который уже снял штаны и сидел в одних бязевых подштанниках, – иногда я жалею, что ремня тебе всыпать не могу. Отставить прекратиться! Топай мыться, и побыстрее.

– Ну ладно, ладно! – притворно испугался Женька и скрылся в бане. Скоро оттуда понеслись громкие вопли: – Эх! Наддай! Сильнее! Охаживай его как следует! Жарь по бокам! Эх! Ух! А-ах!

– Разнесут баню, черти, – ухмыльнулся Андрей Никифоров, отрядный колдун, который появился из-за бани и подошел неслышными шагами. Высокий и жилистый, он мало походил на мага, даже здесь не расставаясь с трофейным автоматом.

– Мыться тоже с ним будешь? – съязвил Конюхов, тыкая пальцем в оружие.

– Точно. – спокойно отозвался Никифоров. – Тебя им буду парить, вместо веника. Славно пойдет! Особенно если взять за ствол, да промеж лопаток...

– Не ссорьтесь, – лениво протянул Степан. Он сидел, прислонившись лопатками к теплым бревнам бани, и чувствовал, что может просидеть так хоть сто лет – не двигаясь, чувствуя, как старое дерево вытягивает из тела усталость. – Что там у тебя, Андрей?

– Ничего. Грибов насобирал, – колдун развернул плащ-палатку и предъявил кучу маслят.

– Ой, мои любимые! – совершенно по-детски обрадовался Конюхов. Потом подозрительно посмотрел на Никифорова. – Андрюша, а ты их как собирал?

– Как? – растерялся тот. – Н-ну... руками и ножом...

– Точно не заклятием? А то, если они сами к тебе в плащ-палатку прыгали, я их есть не буду!

– Тьфу, блин! – Никифоров дал подзатыльник хохочущему сержанту, осторожно уложил плащ-палатку на пенек, изрубленный колуном. Подошел Якупов, потрогал маслят пальцем.

– Бик якши, после бани поджарим с лучком...

– Да уж. Ты, Татарин, повар знатный, – старшина прислушался.

Стукнула дверь, и из предбанника вылетели все трое молодых – распаренные до малинового тела, с прилипшими тут и там березовыми листьями.

– Ох-х... не могу! – стонал Ясин. – Упарили!

– Значит, Хозяину понравилось, – Степан Нефедов потушил окурок и поднялся. – Ну, мужики, айда.

– Хорошая баня... – прошептал Конюхов. Маленький сержант сидел на полке, полузакрыв глаза, и на его блестящем от пота теле все резче выделялись старые багровые шрамы. А Нефедов лежал рядом и, хотя прошло уже больше десятка минут, был почти сухим, а шрамы, которых у него было куда больше, оставались белыми.

– Командир, а ты почему не потеешь? – спросил Никифоров. Даже в бане колдун не снял с шеи железный оберег-ворон и теперь, морщась, то и дело плескал на него холодной водой из бочки.

– Это только мертвые не потеют, – стальная коронка тускло блеснула в луче света из маленького оконца, когда Степан улыбнулся, – а я живой. Только тяжело потею, долго... что правда, то правда. Я, Андрюша, в свое время столько альвовских настоев выпил – мало не покажется. Учитель из меня дурные соки выгонял, он сам так говорил. Приучал тело работать быстрее и сильнее, раны залечивать. А на вкус все эти настои, скажу я тебе, – дрянь страшная. Похлеще того, который ты нам под Волоколамском давал, чтобы волки нас не чуяли, помнишь? Так вот – тот просто малиной был. После альвовских сутки выворачивало сначала с непривычки-то, человек к ним не приспособлен. Многие помирали, говорят.

– А ты? – спросил Конюхов и тут же, опомнившись, захохотал во все горло.

– И я, – старшина пожал плечами и перевернулся на живот, – ну уважил наш Хозяин! Ай да баньку истопил! Обязательно надо оставить ему тут свежий веник. Не забудь, Саня. А теперь – ну-ка, Файзулла, поддай на каменку да пройдишь по мне березовым как следует!

Переждав лютый жар, вырвавшийся из каменки после ковша воды, татарин принялся стегать Степана веником – да так, что тот вскоре почувствовал, как тело становится звонким и легким, точно воздушный шарик...

Грохот двери заставил его подскочить. В баню ворвался Женька Ясин – уже одетый, передергивая затвор автомата.

– Немцы! – крикнул он.

– Чего? – Нефедов еще не успел осмыслить, но тело уже исполняло привычный ритуал, собираясь как пружина перед боем. – Какие немцы? Откуда?

– Отряд на опушке леса... Ласс заметил... Похоже, из окруженцев, а может, десант... – Женька торопился, захлебываясь словами.

– Тихо, не шустри! – остановил его Санька Конюхов. – Сколько?

– Человек двадцать. Все в пятнистом, ранцы за плечами... Идут врассыпную.

– Ясно. Значит, не простая пехтура, – подытожил Никифоров, натягивая штаны.

Они едва успели выскочить из бани и повалиться в полынь, как тут же попали под обстрел. Немцы оказались зоркими и опытными, огонь повели густо, и даже Тар'Налю, в первую же минуту прострелившему головы двоим, пришлось залечь и откатиться за пенек. Пули взвизгивали, чавкали, врезаясь в бревна, гудящие под выстрелами, шипели в сырой траве.

Степан, подкатившись к остаткам забора, выцелил перебежавшую фигуру в камуфляже, нажал на спуск и тут же, на выдохе, подловил второго. Немец выгнулся, повалился в борозду между кучами созревшей картофельной ботвы, заскреб каблуками по земле и угомонился.

Сзади вскрикнул Конюхов, длинно выматерился сквозь стон. Обернувшись, Нефедов увидел, что конопатый сержант зажимает ладонью плечо, а сквозь пальцы у него сочится кровь, лентой сползая по руке.

– Сашка, за баню! – крикнул он. Рядом вдруг возник Ласс.

– Нет, Старший, второй отряд заходит с другой стороны. Они обошли деревню, – альв оставался невозмутим, и только длинные пальцы с нечеловеческой быстротой порхали над патронником карабина.

– Проворонили! – Старшина заскрипел зубами.

– Нет, Старший, – повторил Ласс. – Они шли под Незримым Словом, но их увидел Тэссэр. Кроме него, их не увидел бы никто, – альв выстрелил дважды, приник к земле, когда автоматная очередь сбрила траву у его головы.

– Никифоров, сзади! – Старшина надсадно крикнул во весь голос, выщелкнул опустевшую обойму из «парабеллума». «Пропало чистое белье», – мелькнула нелепая мысль.

И тут он увидел, как распахнулась дверь бани, хотя изнутри за нее никто не держался. В проеме показалось что-то – мохнатое, черное, словно бы клубящееся, как дымный сгусток. Нефедову показалось, что он различает два глаза – горящие красные точки. Файзулла Якупов крикнул, что-то быстро сказал по-татарски, словно отгонял дурной знак.

– Сюда! – густой голос перекрыл выстрелы, над огородом будто прошелестел банный веник. Мгновенно сообразив, что к чему, Степан крикнул:

– Отходим к бане! За мной! – и рванул в открытую дверь предбанника.

За ним ввалились остальные, каким-то чудом поместившись в небольшом пространстве. Выстрелы снаружи сразу же стали слышаться еле-еле, словно всю баню обернули гигантской подушкой. Бойцы стояли, тяжело дыша, перемазанные травяной зеленью и грязью.

– Сашка тут? – Нефедов вытянул шею.

– Здесь... – прерывисто отозвался из полумрака Конюхов, которому Ласс бинтовал руку быстрыми витками. – Чего теперь, командир? Я, конечно, понимаю, что тактика и стратегия... Но они же нас окружили. Ясин погиб, пулю прямо в лоб получил, я сам видел...

Скрипнула, открываясь, дверь в парилку, но жаром оттуда не дохнуло – наоборот, холодом, точно из погреба. Черный дым стоял в дверях плотно как кисель. И там, в глубине, два тусклых глаза смотрели сквозь него. Потом дым вдруг как-то сжался, втянулся сам в себя – и оказалось, что посередине парилки стоит маленький мужичок с черной бородой, в длинной исподней рубахе.

– Не бойтесь, – сказал он. Все молчали, и только Степан перевел дух и устало сел на лавку.

– Чего бояться? – сказал он. – Русский банник не обидит.

– Не обижу, – подтвердил мужик. Глаза его, цвета раскаленного угля в печке, впивались поочередно каждому в зрачки долгим взглядом. – Уважили. Истопили баню. Все честь по чести.

Хозяин говорил отрывисто, речь его напоминала пощелкивание поленьев в топке.

– Все сделали. За что обижать? – Тут банник перевел взгляд в окно. В это мгновение пуля выбила стекло, обдав его веером стеклянных брызг, но Хозяин даже не поморщился, не отвел лица, только черные волосы на затылке заострились иглами, встали дыбом.

– Они сюда пришли. Кто звал? – Теперь банник разговаривал сам с собой. – Дом порушили. Даже пса убили. Теперь снова пришли. НЕ ДАМ!! – вдруг заревел он так страшно, что отшатнулся даже старшина, ударившись затылком о бревенчатую стену. Только Тэссэр остался неподвижен, выцеливая кого-то сквозь выбитое окно. По ушам ударил выстрел, гильза покатила по доскам.

Обернув к солдатам Особого взвода закопченное лицо, банник улыбнулся, показывая острые шилья зубов.

– Сейчас сам пойду, – сказал он, и тут же стал струей дыма, клубящегося под потолком. Дым проскользнул в печное поддувало, втянулся туда целиком. Нефедов проскользнул к оконцу, осторожно выглянул.

– Твою мать... – пробормотал он.

– Что там?

– Сам посмотри, – Степан кивнул Никифорову, и тот одним глазом глянул, оставаясь за бревнами.

Немцы были совсем близко, перебежками окружали баню. Труп одного из них, подстреленного Тэссэром, валялся на траве, каска откатилась в сторону, из развороченной глазницы сочилось кровавое месиво. Черная дымка скользнула к нему, втянулась в раскрытый предсмертной конвульсией рот. Труп дернулся. Солдаты, уже оставившие его за спинами, этого не видели – отстегивали с ремней и доставали из подсумков гранаты, готовясь забросать ими баню.

Мертвый солдат медленно встал, его руки цепко ухватили автомат, поменяли пустой магазин. Скрюченные пальцы оттянули и отпустили затвор. Услышав лязг, один из немцев оглянулся, вскрикнул не своим голосом.

– Пригнись! – Нефедов оттолкнул колдуна от оконца.

За стенами бани ударила длинная очередь – весь рожок автомата вылетел в секунды, кто-то заорал, захрипел, падая на землю. Старшина снова выглянул наружу. Мертвецов прибавилось, а посреди огорода под выстрелами дергался труп, истекая черным дымом. Пронзительные вопли на немецком прекратились, когда дважды покойник снова рухнул на землю, превратившись в мокрое решето.

– Хорошо он их, – хмыкнул Степан. Дым уже сочился из печки, снова собираясь в чернобородую фигуру.

Теперь банник был совсем черен лицом, глаза потускнели.

– Тяжело, – выговорил он медленно. – Внутри быть тяжело.

Пули – измятые, исковерканные – заскакали по половицам, горохом посыпались из рукавов исподней рубахи. Банник остановил неподвижный взгляд на Никифорове, который умоляюще подался вперед, точно просил о чем-то.

– Можно... – прошептал он. – ... иди сюда.

Колдун шагнул вперед и протянул руки. Банник цепко ухватился за его кисти длинными пальцами. И словно взорвался, охватив со всех сторон черным студнем тумана.

– А-а-а! – Никифоров протяжно взвыл, упал на спину, выгнулся так, что пятками и лбом коснулся досок. Руки он выбросил в стороны, и оцепеневший Нефедов увидел, как скрюченные пальцы раз за разом пробивают дыры в толстом дереве. Потом Андрей перекатился на бок, встал. Поглядел на старшину глазами, затынутыми кровавой пеленой. И шагнул к двери.

– Куда! – Конюхов рванулся вперед, зашипел от боли в плече, когда Степан резко его осадил, дернув обратно.

– Ждем! – яростно приказал он.

Никифоров, волоча ноги, вышел во двор – и был встречен выстрелами в упор. Но вокруг колдуна уже ворочалось пыльное облако, разраставшийся смерч подметал траву, вырывая ее с корнем, перемешивая с землей, – и пули канули в этом облаке. Немцы пятились, заслоня лица от пыли и хлещущей травы.

Пронзительно заскрипела дверь бани, и Степан увидел, как толстые ржавые гвозди, щедро вколоченные в нее когда-то давным-давно, медленно разгибаются, с визгом выползают из досок наружу. Но автоматы на это никак не реагировали, оставаясь висеть на ремнях.

– Чудеса, – старшина привалился к стене.

Грохнул взрыв, по бревнам стегнули осколки гранаты. Дверь окончательно развалилась, зазвенели петли, гвозди исчезли в крутящемся облаке. На полуразрушенной избе поодаль просела крыша, повалились ничем больше не поддерживаемые дверные косяки.

– Башку пригни! – Нефедов силой повалил Якупова, который все порывался стрелять в немцев. – Куда палить собрался? Видишь, что с пулями творится?!

Ласс, Тар'Наль и Тэссэр аккуратно убрали винтовки за спины, прижались к полу, отвернув лица от вихря. Степан, не поднимая головы, пошарил рукой по лавке, сунул руку в карман штанов, где звякнули обереги. На ощупь сломал один из них, сунул в рот.

Мир полыхнул холодным оранжевым пламенем. Фигуры немцев засветились тревожно-багровым, мечущимся, – а кокон вихря истончился, став почти невидимым. И прямо посреди него Нефедов увидел фигуру с раскинутыми руками – ослепительно-белую, обросшую, точно черными иглами, гвоздями. Остриями наружу.

Он выплюнул пластинку, сильнее вжался в пол бани. Воздух взвыл и оглушительно лопнул, бревна затряслись, из пазов посыпалась моховая труха. Сильно и часто застучало по дереву, точно сотни молотков одновременно грохнули с размаху.

Тишина

Потом Степан поднялся на ноги и вышел из бани, держа наготове «парабеллум». За ним начали выбираться остальные, шурясь на солнце, показавшееся из разрыва в облаках.

Сначала старшине показалось, что живых во дворе нет. Повсюду валялись трупы немцев – истыканные, насквозь пробитые гвоздями, торчащими в головах, руках, ногах... Трава на огороде осталась только по углам, а посередине чернела голая, точно вспаханной землей проплешина, в центре которой, раскинув руки, лежал Никифоров и очумело смотрел в небо.

– Живой? – Нефедов в два прыжка добежал до него, опустил рядом на колени. Колдун помолчал, подумал.

– Ага... – неуверенно сказал он и попытался подняться. С первого раза не получилось, но упрямый Никифоров все-таки сел и затряс головой.

– Едреный стос, – тоненько протянул он, оглядывая поле боя. – Кто это их так?

– Не помнишь, что ли? – Подоспевший Санька Конюхов помог колдуну подняться на ноги и картинно осмотрел его, поворачивая здоровой рукой то туда, то сюда. – Это ж ты был! Как завыл, как выскочил во двор! Я лежу мордой вниз и думаю – ну все, хана, прощай, родина, Андрюха разозлился...

– Да ну тебя! – разозлился Никифоров. – Я по-человечески спрашиваю!

– Ты их, Андрей, ты, – Степан похлопал его по плечу и тут же насторожился, дернул стволом пистолета в сторону. Из-за угла бани, кряхтя и волоча ногу, выполз Женька Ясин.

– Жека! – радостно заорал Конюхов, побежал навстречу. – Живой!

– Оглушило меня, – начал оправдываться Ясин, глядя попеременно то на изумленного старшину, то на Саньку. – Товарищ старшина, товарищ сержант, я не специально... успел одного фрица подстрелить, а тут пуля... Лоб оцарапала, а мне показалось, будто лошадь копытом!

– Живой, живой, зараза! – Конюхов, не слушая лепечущего Ясина, тряс его за плечи так, что здоровенный парень мотался как тонкая осинка.

– Э, совсем сдурел Саня! – Файзулла Якупов стоял на пороге бани и улыбался хитро. Он уже успел набить трубочку и теперь пускал в небо колечки дыма. – Совсем парня угробишь, дурной...

– Что было-то? – не унимался за спиной у Степана уже совсем очухавшийся Никифоров, который уселся на пень и растерянно стряхивал землю с подштанников. Что-то в нем

выглядело странно. Старшина пригляделся внимательнее и только сейчас заметил, что оберег, который висел на шее колдуна, исчез бесследно – остался только длинный багровый ожог там, где была железная цепочка и фигурка ворона. Он уже собирался рассказать, но тут Конюхов откашлялся и подбоченился.

– Значит, дело было так, Андрей...

Тэссэр и Ласс за его спиной переглянулись с одинаковым выражением и пожали плечами. Ласс сделал вид, что затыкает уши. Потом альвы демонстративно повернулись и удалились.

– Ну все, погнал сержант, – сокрушенно сказал Ясин. – Теперь не остановить. А я все это видел, сейчас припоминаю. Как меня эти гвозди не задели – ума не приложу, я ж даже не прятался, просто валялся как дурак. Будто кто-то за угол оттянул...

Нефедов вздрогнул.

– Вот что, мужики! – На его окрик повернулись все, Конюхов осекся на полуслове, даже альвы замедлили шаг. – Значит, все понимают, кто нам помог? Даже ты, Файзулла?

Якупов вытащил трубку изо рта, быстро и серьезно покивал, потом провел ладонями по лицу, что-то тихо прошептал.

– Вот так, – продолжил Нефедов, – а если все понимают, то надо в ответ помочь. Чуть вконец баню не разнесли.

Он поглядел на черные бревна. Вся стена бани, обращенная к огороду, была густо утыкана гвоздями. Шляпки их блестели как отполированные.

– Надо, думается мне, дверь заново сколотить, окно починить. Стекло, поди, можно тут найти, хотя бы кусок небольшой. Ну и внутри тоже – лавки оскоблить, печку поправить... Короче – чтобы всё было чика в чикю.

Люди молча закивали.

– Я еще крышу переложу, – сказал Ясин. – Я по крышам мастак.

– Хозяину спасибо, – татарин провел широкой ладонью по дверному косяку. Внезапно глаза его открылись до необыкновенной ширины, и он заорал. – Э! Ты что! Куда сел!

Нефедов, холодея внутри, развернулся, готовый ко всему.

И увидел, как Никифоров, матерясь, поднимается с пенька. Прямо с плащ-палатки, полной маслят.

На миг все замерли. Первым захохотал Конюхов. Он повалился на землю, тоненько повизгивая и колотя босыми пятками по разбросанной траве. Засмеялся Файзулла, бросив трубку и утирая набежавшие слезы, потом голосисто заржал Женька Ясин, откинув голову и широко разевая рот.

– Особый... особый взвод! – сипел Конюхов. – Так твою растак! На себя... на себя поглядите!

В сердцах поддав по пеньку ногой, Никифоров заскакал, держась за ушибленные пальцы. Повалился рядом с Конюховым и тоже засмеялся. Старшина смотрел на них и чувствовал, как пружина внутри медленно раскручивается, отпускает, слабеет.

– Ну вот что, бойцы... – Он начал говорить и вдруг захохотал сам.

Старшина Степан Нефедов стоял и смеялся – хлопая себя ладонями по бокам, приседая, хохоча радостно. Как в детстве.

Облака совсем разошлись, и вскоре с чистого неба брызнул теплый грибной дождь.

Олег Дивов Вундервафля

30 мая 1968 года, где-то под Безансоном

Капает водичка из триплекса, холодненькая, и прямо на штаны, – а говорили, мы герметичные. Если заскучала, майне кляйне, заходи в гости, пиши адрес: Франция, самый большой пруд с самыми жирными лягушками, выплыть на середину, постучать веслом три раза, спросить Васю. Ты не думай, я через границу махнул не просто так искупаться, мой экипаж тонет в этом болоте вполне официально, по просьбе генерала Де Голля, коленвал ему в дупло. Если верить замполиту, мы выполняем интернациональный долг. Вот поди теперь пойми, кто кому больше должен.

Лучше б я в эту ихнюю Сорбонну впаялся, честное слово.

Ты найдешь нас по антенне, она пока на поверхности, хотя мы медленно погружаемся, ничего удивительного, почти тридцать тонн, чай не субмарина на грунте. Еще жив аккумулятор, и эфир доносит до меня сочные эпитеты, какими всегда сопровождается марш советских войск в глубь чужой территории. Если перевести с русского на русский, можно представить общую картину: сколько мирных домиков снес бронированный кулак, сколько милых ситроенчиков раскатало в блины пуленепробиваемое колесо, да как нас всех за это отымеют, когда долг будет выполнен, и в беспокойном хозяйстве Де Голля вновь устаканится конституционный порядок. Не мало влепят мне суток ареста, если, конечно, сумеют отсюда выковырять, а сумеют часа через два, не раньше, ибо я не один такой акробат, много наших полегло по обочинам трассы Е60, кто на боку, кто на ушах, а кто вообще в навозной яме.

Иди по нашим следам, майне кляйне, через развалины фермы, точнее руины, обломки и ошметки, да и наплевать. Мы тут, пока тонули, сначала мучились совестью, а потом решили: какого черта, считайте этот акт вандализма нашей скромной личной мстостью за то, что Наполеон сжег Москву. Если у пруда увидишь хозяев здешнего лягушачьего рая, орущих над мутными водами «ферфлюхтер руссиш швайн!!!», хотя какой руссиш швайн, они французы, но смысл будет тот же – тогда совсем хорошо, значит, мы никого не задавили.

Ну ошиблись чуток: бортмеханик, который на марше за штурмана, пропустил строчку в легенде и вместо «левый два опасный» ляпнул: «Топа, Василий!» Я честно втопил, укладывая стрелку на ограничитель, и в итоге нас утопил. Бесславно и бездарно свинтило под откос гроссе руссише вундерваффе. Стремительным доннерветтером ТГР слетел с трассы, забодал домик, раздавил сарайчик, разметал амбарчик, грузовичок какой-то разъял на запчасти – и стремительным домкратом ухнул в пруд. Нет слов описать, до чего нам всем тут стыдно, темно, холодно, сыро, а главное, душно. Одна радость, у бортача, по чьей милости мы прозябаем и загибаемся, морда всмятку. Пристегнулся небрежно и сам себя наказал, злодей, иначе пришлось бы мне его бить, а я ведь добрый очень, ты знаешь.

И что совсем обидно, недалеко уехали, даже не устали.

А как все мудро было задумано.

* * *

Тигру можно разогнать до ста шестидесяти по прибору, но это, во-первых, страшно, а во-вторых, плохо кончится. Довернуть машину на такой скорости невозможно, и, случись по курсу препятствие, тигра воткнется в него, как метко пущенный боевой утюг. А препятствие случится, будьте уверены. Теория прикладного тигровождения гласит: если через

тигру, раскопчегаренную до максималки, провести воображаемую прямую линию, на другом конце прямой обязательно возникнет материальный объект, к которому тигра и устремится с непреодолимой силой.

А тормоза у нас, простите, не очень.

Тигра, по идее, машина чудесная. Красивая, загляденье. Но как наступишь на педаль, сразу видно: тут все, кроме двигателя, работает на пределе. Обзор никакой, трансмиссия слабовата, о расходе топлива вообще молчу... Зато мы заводимся с полтыка, а сотню набираем за двадцать пять секунд. И даже тормозим не так уж плохо для своего веса. Просто долго. Местные это знают и стараются не подставляться. Тем более, у нас сирена – за версту слышать. Отличная сирена.

Да, забыл, у ТГР еще пушка замечательная и пулеметы.

В остальном, конечно, аппарат сырой. И строгий в пилотировании. Каждый наш учебный марш – чисто русская народная забава «догони меня, кирпич», в пору звездочки малевать за сбитые столбы.

Мы летим по автобану: думать поздно, сдохнуть рано.

Я обязан держать на прямой сто сорок. И вроде бы мне тигра нравится, служба нравится, но топить на всю железку – боязно, честно. Говорят, русские любят быструю езду. Только когда у тебя колесная машина в габаритах танка и сравнимая с танком по массе, и вот этой штуковине положено по нормативу доскакать за четыре часа с окраины Фрайбурга до Эйфелевой башни, такое даже для русского чересчур.

А надо, Вася, надо. Четыреста пятьдесят километров единым духом намотай на колесо – и пушку свою лягушатникам предъяви. И высади из «собачника», что позади за башней, десант о шести ужасных рылах при гранатомете, пулемете и снайперке. Рыла у десанта безумные не специально для запугивания французов, а просто ты посиди хотя бы часик в темном душном отсеке через стенку от двигла. Когда на свет белый высунешься, удивляясь, что живой, – с одного твоего вида Европа вздрогнет.

Бывает и хуже: вон как у бригады, что стоит в Трире, на родине великого мыслителя Карла Маркса. Им вроде ехать не так далеко, зато через Люксембург, а там рельеф поганый и трасса петляет. На прямых участках они постоянно стрелку класть должны. И сколько машин до точки домчится, а сколько по канавам разлетится, вопрос.

Посему я рад служить на родине великого пиротехника Бертольда Шварца. Городок славный, немцы приветливые, как их в войну союзнички разбомбили вдребезги, тут эти морды тевтонские и осознали, кто им друг. И детям объяснили. Молодежь в школе русский учит так, что от зубов отскакивает. Весьма способствует общению. Девчонки, конечно, нашим не чета, зато без комплексов. Тоже способствует. Вот сменишься с дежурства, мундир напялишь, хлопнешь с ребятами пивка на Айзенбанштрассе, потом выйдешь тепленький уже на Роттесринг – красота! – и напрямик к университету, к памятнику Ломоносову, где гуляют, поджидая нас, милые фройляйн, студентки-русистки. Хорошо ли тебе, лейтенант? Да замечательно. Их лебе дих и все такое.

Батя с войны пришел, меня на радостях заделал, и гляди-ка, через двадцать два года я по той самой улице иду, которую отец гусеницами шлифовал. А рядом девчонка, папаша которой, вполне вероятно, вон из того подвала в моего родителя фауст наводил. Спасибо, не поубивали друг друга. Всем спасибо.

А ведь кто знает, как бы все обернулось, удайся союзничкам ихний оверлорд. Мы в училище разбирали по пунктам эту провальную высадку, и выходит так, что дело решили блицбомберы Me-262. Сколько нам ни вдалбливали, мол, отдельная вундервафля на войне ничего не значит – а тут она целый фронт закрыла. Бомбанули немцы по наплавным пирсам «Малбери», потом по транспортам прошлись, и остался союзный десант без снабжения да пополнения. А с суши уже Роммель подъезжал, весело лязгая траками, – и настал союз-

ничкам второй Дьепп. Надо было им, дуракам, не мудрить с этими пирсами, а рискнуть и атаковать порты. Боялись потерь, а огребли в итоге втрое и позорно убрались с континента. Своих погубили бездарно, и поди еще сочти, русских сколько полегло лишку, пока не задавили мы Гитлера в одну харю. Батя вспоминал, как вышли к Ла-Маншу, так первым делом ствол задрали и шарахнули болванкой в направлении куда надо: жалко, не долетит, а то бы прямо Черчиллю в грызло засадили.

Спасибо хоть американцы Японию уконтрапутили, не хватало еще и с косыми разбираться. К Америке претензий особых нет, а вот, кто заваруху на континенте устроил, кто Гитлера на СССР натравил, мы знаем и помним.

Они теперь говорят, мы Европу прикарманили – а кто ее спас, извините, генерал Де Голль, что ли? Где бы вы были без русского солдата.

Так что стою я на дружелюбной немецкой земле обеими ногами твердо, пока не приму на грудь дюжину баварского, но и, случись упасть, валяться буду непоколебимо, по праву спасителя и защитника. Ибо лежать посреди города Фрайбурга, да еще у памятника великому русскому ученому Ломоносову М. В., сама История советскому лейтенанту разрешила. По Уставу, конечно, это не положено, да и просто неприлично, но в принципе-то, в принципе!

Тем более, я пилот тигры. Летчик почти и вообще морально космонавт. Пускай низко летаю, зато нагрузка на психику такая, что хоть запули меня сейчас на Луну вместе с Алексеем Леоновым – не дрогну.

Это я по штату «водитель ТГР», мы-то себя пилотами зовем. Бешеную технику нам Родина доверила, неспроста пилот и стрелок офицеры, только бортач – сверхсрочник. А задачи мы решать должны, о каких лет тридцать назад и подумать было дико. Тогда сама идея «автострадного танка» ни в какие ворота не лезла. Дорога, это ведь для бронетехники строго путь доставки к театру военных действий, и то идти надо с прикрытием, а уж бой на дороге принять – чистая погибель. Оседлает противник трассу, запрет на ней колонну, и аллес капут, четыре трупа возле танка дополняют утренний пейзаж, еще в Финляндии мы этот урок зазубрили.

Но кто ж знал, что карта Европы так изменится. Кто ж предполагал, что будут у нас войска быстрого реагирования и особые бригады прорыва. Если грубо, не совсем военные по задачам, а скорее полицейские части, которые должны внезапно метнуться и занять ключевые точки до подхода основных сил. Рвануть в атаку со скоростью доннерветтера, как немцы говорят.

Понятное дело, врагов у нас в Европе, мирной и почти что демилитаризованной, быть не может. Однако народец тут, помимо немцев, дурной да нервный, вспыльчивый, к руководству без пиетета, то маёвка, то забастовка, то студентики шалят. В теории может выйти так, что власти сами не утихомят смутьянов и запросят помощи. А кого звать-то помогать, ясен пень, советских. Но мы же не повсюду тут стоим, мы ведь не захватили континент, что бы там ни бухтели англичане. Вон штаб ГСВЕ в Баден-Бадене, а дальше немецкой границы если и попадетя русский солдатик, так он портфель носит за военным атташе и забыл, с какой стороны в автомат втыкают шомпол. То есть Советы как бы держат руку на пульсе, но в объективной действительности нас фиг докличешься, когда припрет. И даже при полной готовности мы будем ковылять на выручку законным властям суток трое с учетом погрузки-разгрузки. А по небу если, так надо сначала захватить аэропорты путем воздушного десанта, что тоже время займет. Там час потеряли, тут потратили, глядишь, уже полдня проканителлись.

И вдруг – опаньки! – на сцене появляется то самое вундерваффе, про которое мы знаем, что толку от него чуть. За войну лишь дважды оно себя проявило. Сначала у одинокого танка КВ стуканул движок на узкой лесной дорожке, отчего случился форменный хендехох

боевой группе «Раус». Потом блицбomberы ободрали всю малину хитро выдуманым англо-американским оверлордам, и вот это было уже очень серьезно.

А у нас завершил испытания и был признан выдающимся дурацким достижением советской инженерной мысли «объект ТГР» – транспорт газотурбинный разведывательный. Ну куда, действительно, засунуть броневик, который на полном ходу жрет как два вертолета, а на холостом – как один вертолет? Только в кунсткамеру.

Но если тебе надо, допустим, в Париж по делу срочно, тогда ты вешаешь на ТГР пару дополнительных баков, и по газам. Бить машину враги будут в лоб – в борт тебя на ходу не взять. Баррикады на твоём пути окажутся не крепче перевернутых грузовиков, только ключья от них полетят. Главное – надежная легенда, как у гонщиков-раллистов, иначе быстро не поедешь, у тебя ведь инерция что у парохода, все ускорения-торможения да вообще любые маневры надо рассчитывать с огромным запасом. А если штурман легенду читает, ты знай топчи педальку да легонько шевели баранкой.

ТГР наращивают броню, особенно на морде, нахлобучивают сверху башню с серьезным вооружением, получается тигра. Стремительная, красивая до изумления, страшная до ужаса машина о шести колесах, которые через тысячу километров развалятся, да и черт с ними.

А опыт танкового боя в городах мы накопили такой, что нас этим не испугаешь, наоборот, пускай горожане боятся тактического построения «елочка». Ради этой хитрой тактики мы в ТГР выпиливаем отсек десанта, уж какой можем: туда едва поместятся три американских пехотинца, но русских упакуем шестерых, злее будут, когда выскочат.

В экипаж тигры определяем пару лейтенантов, опытного сержанта – и вперед, на службу миру и прогрессу. Для начала десять особых бригад, потом больше. А чтобы войска были не на бумаге, как это у нас некрасиво перед войной получилось и чего мы больше не допустим, вы, товарищи офицеры, станете тренироваться – гонять по трассе. Зря их, что ли, немцы понастроили? На всякий случай прикрутим вам сирену – распугивать зазевавшихся бюргеров.

А кто не спрятался, мы не виноваты.

Вот и я, встречайте, гроза автобана, руссише вундерваффе. Лопаю двести литров горючки в час! Но как я еду, как я еду! Когда приловчишься да попривыкнешь, можно получить море удовольствия. Только не надо совсем уж класть стрелку, ибо, как гласит теория прикладного тигровождения... Ну вы помните.

Чего говоришь, Брунхильда? То есть Беттина, виноват. К тебе пойдем в общагу? Да, самое время. Их либе дих и все такое.

* * *

Которые сутки пылает Сорбонна, удрал в Баден-Баден отважный Де Голль... Прямо стихами заговорил. Это, наверное, от общей нервозности и удушливости обстановки. Не плачь по Васе, милая Бетти, достанут Васю из пруда без особого труда, и не таких доставали, чтобы жестоко вздрючить за нарушение порядка движения в колонне. Связи нет уже полчаса, и антенна утонула, и тока больше нет, хорошо, стрелки на часах светятся. Но знаем мы, что валят русские по Франции, на всю железку топят, занимают стратегически важные точки, а в арьергарде ползут тягачи, и один вроде бы направляется к нашему уютному болотцу. Это ничего, что вода уже в сапогах булькает, вопрос, не задохнемся ли. Троиим бы воздуха хватило, а вот эти шестеро несчастных в «собачнике» здорово нас ущемили насчет кислорода. И когда настанет край, как бы не пришлось открывать люки да выныривать. А над люками у нас, извините, не вода. Давно уже серое нечто капает из триплекса и лезет снизу через сальники, ледяное, вообще в машине колотун сибирский – придонный ил нас засасывает,